

УДК 94 (57)+314.4
DOI: 10.17223/19988613/61/5

Е.И. Красильникова

МЕМОРИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО НОВОСИБИРСКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ (1893–2000 гг.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-49-540003).

Статья посвящена характеристике изменений мемориального пространства города Новосибирска в период с его основания в 1893 до 2000 г. в контексте взаимного дополнения и противоборства тенденций развития политики памяти, исходившей от субъектов государственной и местной власти, а также инициатив общественных организаций и отдельных значимых коммемораторов. Устанавливаются и последовательно характеризуются этапы формирования мемориального пространства Новосибирска, с присущей им спецификой отношения общества к местному историческому наследию и коммеморативной активности.

Ключевые слова: мемориальное пространство; памятное место; памятник; коммеморация; политика памяти; мемориальный символ; Новосибирск.

Мемориальное пространство, состоящее из системы локализованных и взаимосвязанных символических объектов, часто служит основой для формирования устойчивых культурных образов города, научное изучение которых стало актуальным лишь в последние десятилетия, прежде всего, в связи с постановкой задач брендинга городов для достижения политических и коммерческих целей. Мемориальное место емко и концентрировано выражает смыслы и ценностные ориентиры целых поколений, выносимые в публичное пространство социально-культурной коммуникации, участвует в организации культурного пространства локуса. Выявление и интерпретация систем мемориальных символов, актуальных в социокультурном пространстве города на разных исторических этапах его развития, помогают определить степень целостности, внутренней самоидентичности городского сообщества, зависимой от отношения к общему прошлому. В условиях глобализации культурно-историческая специфика города нередко размывается, городская идентичность ослабевает, а население чувствует большую неудовлетворенность жизнью в таком «безликом» пространстве. Исследование городского мемориального пространства в исторической динамике может помочь преодолению этих проблем через выявление истоков тех процессов, которые ведут общество к забвению и беспомыслению, а значит, и к культурному обеднению, снижающему общее ощущение качества жизни и понимание ее смысла.

Ярким примером российского мегаполиса, предпринимającego в настоящее время попытки преодоления проблемы бедности мемориального пространства, на развитие которого существует выраженный общественный запрос, является Новосибирск. На разных исторических этапах в мемориальном пространстве Новосибирска доминировали различные символы прошлого, одни утверждали самобытность этого города на фоне иных населенных мест страны и его способность противостоять государству в отстаивании собственных

интересов, другие же, наоборот, подчеркивали включенность Новосибирска в общий контекст имперской (советской, российской) истории как части единого государства, при том особенно значительной части. Цель данной статьи – проследить динамику развития мемориального пространства Новосибирска в период с 1893 до 2000 г. во взаимном дополнении и противоборстве тенденций развития политики памяти, исходившей как от субъектов государственной власти, так и от местных властей, а также связанной с инициативами общественных организаций и отдельных значимых коммемораторов. Для этого предстоит определить и последовательно охарактеризовать этапы формирования городского мемориального пространства, связанные с утверждением той или иной системы памятных мест, релевантной контекстам государственной идеологии и политики памяти, или отвечавшей интересам местных коммемораторов.

Понятие мемориального пространства редко используется историками. Гораздо чаще к нему прибегают архитекторы, а также специалисты в области градостроительства и градостроительства. Они понимают мемориальную среду (мемориальное пространство) как часть городской среды – обжитой территории, совокупности конкретных основополагающих условий, созданных человеком и природой в границах населенного пункта, которые оказывают влияние на уровень и качество жизнедеятельности человека. Архитекторы и градостроители имеют тенденцию рассматривать мемориальную среду (пространство) города в ее целостности, но прежде всего, с эстетической и дизайнерской точек зрения, редко в исторической динамике. Для специалистов в этих областях важно «вписать» как старые, так и новые мемориальные объекты (памятные места) в уже существующую или планируемую городскую среду, чтобы не нарушить ее эстетичность и экологическую целесообразность [1]. Однако классика средового подхода урбанистики, представленная, в частности рабо-

тами К. Линча, демонстрирует примеры изучения городской среды в ее целостности, в непрерывности развития, в единстве старого и нового, а пространственное окружение человека как средство усиления ощущения от образов времени, выражающих те или иные актуальные ценности [2]. Проблемы перехода духовных ценностей в предметный мир городского пространства и далее, при его освоении обществом – в мир образов и идеалов, интересуют, скорее, культурологов и философов, обычно концентрирующих внимание на идеях и смыслах, а не на эстетике городских мемориалов. Примером соответствующих исследований на материалах городских военных мемориалов может послужить работа А.В. Стрельниковой [3].

Однако нельзя упускать из внимания то обстоятельство, что город существует в координатах времени, его пространство, в том числе и мемориальное, складывается исторически и определяется памятью городских жителей о прошлом. В настоящее время на сибирских примерах изучаются отдельные вопросы отражения символов коллективной памяти на динамике культурного пространства сибирских городов (работы В.Г. Рыженко, С.С. Наумова, К.В. Демьянова и др.) [4, 5]. Однако пока еще не было написано ни одного исторического произведения, обобщающего основные этапы развития мемориального пространства российских и, в частности, сибирских мегаполисов с акцентом на зависимость мемориальных процессов от политики памяти, реализовывавшейся как государством, так и местными властными структурами. При этом стоит признать подготовленной историографическую почву для такого рода обобщений. В этой связи необходимо обратить внимание на исследования А.В. Святославского, давшего широкую характеристику исторической динамике отечественной мемориальной культуры [6], на монографию М.Я. Рожанского, предпринявшего попытку показать в историческом развитии Сибирь как пространство памяти [7], а также на работу Л.В. Кошман, в которой демонстрируется влияние творческих инициатив различных групп коммемораторов, по-своему осмысливших сюжеты исторической памяти, на культурное пространство российских городов XIX – начала XX в. [8]. Важно учесть и то, что тема нашего исследования напрямую связана с проблематикой истории сохранения наследия российских городов, к которой обращались очень многие авторы, описавшие различные локальные примеры. В частности, сохранению историко-культурного наследия Томска в советское время посвящались работы Е.В. Перетягиной [9], Э.И. Черняка и Н.М. Дмитриенко [10]. Попытки обобщить советский опыт охраны памятников предпринимались и зарубежными русистами, в частности К. Келли [11], установившей взаимосвязь между практиками, нацеленными на сохранение исторического наследия, и государственной пропагандой идентичностей и ценностей.

История отдельных памятных мест дореволюционного и советского Новониколаевска (с 1926 г. Новоси-

бирска) детально изучалась архитекторами [12, 13], историками [14, 15], краеведами [16–19] и специалистами по охране историко-культурного наследия города [20]. Некоторые аспекты формирования мемориального пространства Новосибирска затрагивались научным коллективом, работавшим в первой половине 2000-х гг. под руководством омского историка В.Г. Рыженко над изучением развития культурного пространства сибирских городов в советский период [21. С. 184–191, 220–231]. Динамике системы памятных мест Новосибирска в период с 1920 по 1941 г. ранее также уделялось внимание и в работах автора предлагаемой статьи [22, 23]. Однако до сих пор исследователями не предпринималось попыток предложить обобщающую историческую характеристику формирования и развития мемориального пространства Новосибирска.

В методологическом отношении данное исследование опирается на принцип историзма, сравнительно-сопоставительный и диахронический методы. Используемая в исследовании категория мемориального пространства строится на основании системы категорий, разработанных в рамках направления исследований, известного в мировой науке как *Memory Studies*, предполагающего изучение коллективной памяти и ее включенность в коммеморативные практики, присущие обществу той или иной эпохи и формирующиеся под воздействием политики памяти. В данной работе городское мемориальное пространство понимается как система памятных мест и связанных с ними коммеморативных практик, состоящая из исторически локализованных символических элементов, которые особым образом функционируют в пространственно-временных координатах города. Мемориальное пространство города постоянно меняется: вновь создаются и исчезают его отдельные элементы и целые системы (подсистемы) элементов, а смыслы тех, что длительно существуют, со временем трансформируются. Не совсем правильно понимать городское мемориальное пространство лишь как некую объективно существующую систему общепризнанных памятных мест. Мемориальное пространство города – это, прежде всего, ментальная карта, умозрительная конструкция, существующая в общественном сознании той или иной социальной группы в то или иное время, изменчивая и не всегда внятная. Не все памятные места одинаково значимы для всех горожан, не все одобряются и признаются. Именно поэтому всегда случались острые социальные конфликты на мемориальной почве, доходившие до настоящих войн с памятниками.

Коллективная память городского сообщества фиксируется, прежде всего, в таких символических элементах городского пространства, как топонимы, памятники, мемориальные доски и декоративные элементы зданий. Вслед за А. Риглем мы различаем памятники, «задуманные как таковые», созданные специально с целью увековечить память, а также памятники, кото-

рые не были задуманы как памятники, а лишь со временем обрели это значение в глазах общества, будучи связанными с некими важными для него аспектами прошлого [24. С. 16–34]. В рамках данного исследования принципиально важно отследить поворотные моменты в процессе осознания городским сообществом исторической ценности отдельных элементов обжитого городского пространства и их причисления к наследию, чтобы понять, как «город без истории» «обретал память».

Динамика мемориального пространства находится в прямой зависимости от политики памяти, которая проявляется в деятельности государства и других акторов, направленной на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и в формировании поддерживающих их культурной инфраструктуры [25. С. 33], в которую и входят памятники и памятные места. Поэтому объяснение изменений городского мемориального пространства должно строиться на выявлении контекстов политики памяти разных исторических периодов. От доминирующих смыслов политики памяти зависит коммуникативная специфика мемориального пространства, в котором, как правило, кипит деятельность, нацеленная на увековечивание памяти, ее актуализация и трансляция во внешний мир, иначе говоря, коммеморативная деятельность, по отношению к которой мемориальное пространство выступает в качестве необходимой инфраструктуры.

Основными источниками данного исследования послужили делопроизводственные документы организаций и учреждений, отвечавших на разных исторических этапах за охрану памятников и популяризацию историко-культурного наследия, прежде всего, из архивных фондов новосибирского краеведческого музея и новосибирского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), а также постановления Новосибирского горсовета, научные и публицистические произведения архитекторов и краеведов, боровшихся за установку и охрану памятников в Новосибирске, подготовленные ими паспорта и фотоснимки объектов историко-культурного наследия, хранящиеся в коллекциях музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина при Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусств. К визуальным источникам нашего исследования стоит также отнести планы города Новониколаевска-Новосибирска разных десятилетий, отражающие изменения в топонимике. Важными источниками исследования послужили также публикации в местной газетной печати, отражавшие особенности политики памяти, исторической памяти новосибирцев на разных этапах прошлого и их восприятия городского мемориального пространства. Опираясь на указанные источники, рассмотрим основные этапы развития мемориального пространства Новосибирска в период, предшествующий современности.

Название города всегда символично и исторично. Оно сообщает некий главный смысл, связанный с по-

ниманием обстоятельств его основания и исторической роли. До революции Новосибирск сменил несколько названий. Существовая с 1893 до конца 1903 г. в статусе поселка, он последовательно именовался Кривошековским, Александровским и Новониколаевским. Первое название дали его основатели – крестьяне села Кривошеково, второе и третье отвечали имперской практике называть населенный пункт в честь царя, годы правления которого хронологически совпали с основанием поселения. При этом важно подчеркнуть связь основания Новосибирска со строительством Транссибирской магистрали, фактически давшей ему жизнь как городу с большими перспективами дальнейшего экономического и административного развития. Александровский-Новониколаевский поселок, позже город Новониколаевск, изначально мыслился многими его жителями, администрацией и чиновниками, занимавшимися землеустройством, не просто как часть пространства огромной империи, но именно как населенный пункт, возникший на «царской» железной дороге. Официальная имперская идеология преподносила Транссиб в качестве «нового средства стянуть империю и нацию стальными нитями», как средство «соединения главного средоточия Русской земли с ее восточной половиной» [26]. В этом контексте населенный пункт на железной дороге воспринимался как форпост империи на осваиваемой территории. Значимо и то обстоятельство, что город возник на кабинетских землях его императорского величества. Это обернулось финансовыми проблемами для новониколаевцев и вошло в историю фактом сложно разрешимого противоречия между императором и населением города, вынужденным выкупать землю у государя. Данный сюжет по понятным причинам культивировала советская историография [15. С. 34–38]. Однако несмотря на противоречия, мемориальное пространство дореволюционного Новониколаевска начало все-таки оформляться в стандартах имперских традиций сакрализации власти. Главные улицы города были названы Николаевским проспектом и Александровской. С трехсотлетием династии Романовых, пышно праздновавшимся по всей стране, было связано возведение на Николаевском проспекте часовни Святого Николая Чудотворца, которая начала действовать как храм в 1915 г. В память об Александре III возводился, по замыслу его создателей, и Александро-Невский собор. Он строился именно как храм на царской железной дороге по типовому проекту столичных архитекторов, который использовался для населенных мест, располагавшихся вдоль Транссибирской магистрали.

Начальный этап истории Новониколаевска увековечивался в его топонимике, которая также отвечала общеимперскому контексту политики памяти. В названиях улиц, некоторые из которых появлялись на плане города по инициативе самих жителей, отражались имена инженеров царской России, строивших мост через Обь на императорской железной дороге: Г.Н. Будагова

(ул. Будагова), В.К. Жандара (ул. Владимировская), Н.П. Меженинова (ул. Межениновская) и К.Я. Михайловского (ул. Михайловская) [19. С. 207]. Память еще об одном инженере-мостостроителе Н.М. Тихомирове, который скоропостижно скончался в Новониколаевске, была увековечена почетным погребением в ограде собора Александра Невского, строительством которого руководил Тихомиров [18. С. 25–26]. Так могила инженера Тихомирова стала еще одним памятным местом в системе, увековечивавшей память о первостепенной роли Романовых в основании Новониколаевска.

До революции Новониколаевск входил в состав Томской губернии. Это также сказалось на его топонимике. Улицы Асинкритовская и Тобизеновская были названы в честь томских губернаторов. При том, что главные мемориальные символы молодого города были, несомненно, имперскими, нельзя не заметить влияние на мемориальное пространство Новониколаевска политики памяти, исходившей от антиправительственных сил Сибири, боровшихся в начале XX в. за демократические преобразования и преодоление регионом колониального состояния. Так, в Новониколаевске появились улицы, названные в честь лидеров движения сибирских областников – Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, а также в честь популярного в начале XX в. у представителей политических движений, выразивших протест в адрес трона, Ермака. Впрочем, память о Ермаке – покорителе Сибири, расширившем границы Московского государства ради его процветания, использовалась и на государственном уровне в общем контексте реализации имперской политики памяти [26].

До революции мемориальное пространство Новониколаевска не выражало претензий на наличие собственной истории, отдельной от имперского и сибирского контекстов, а также и на политическую самостоятельность. Ощущение переживания «своей» истории у жителей города появилось лишь в условиях Гражданской войны, когда город стал восприниматься одним из ее наиболее значимых эпицентров в связи с такими яркими событиями, как мятеж Чехословацкого корпуса, отступление армии А.В. Колчака на восток Сибири через Новониколаевск, а также эпидемия тифа, во время свирепства которой город лишился половины своего населения. В этот период газетчики Новониколаевска цитировали И.В. Сталина: «Что касается Колчака, то после его разгрома под Новониколаевском от его армии остались лишь воспоминания» и вторили вождю, выражаясь собственными формулировками, к примеру: «После Новосибирска наша доблестная армия уже не имела сколько-нибудь значимого противника» [27]. Разумеется, в головах жителей города существовали самые разные воспоминания о произошедшем в период Гражданской войны и собственные памятные места. Однако победа большевиков задала единую направленность дальнейшему развитию мемориального пространства города.

Решая задачи самолегитимации, большевики, вернувшие себе в конце 1919 г. власть, принялись за уве-

ковечивание памяти о жертвах «колчаковщины». В Новониколаевске были десятки тысяч погибших от тифа и ран. Из этих тысяч официально мемориализации были удостоены лишь 104 узника новониколаевской тюрьмы, с которыми колчаковцы жестоко расправились при отступлении. Большинство из погибших не было опознано. 22 января «замученных» торжественно похоронили при большом стечении народа на центральной площади города. Братская могила, в которой, преимущественно, неизвестно кто покоился, стала главным элементом новой системы военно-революционных памятных мест, сконструированной к середине 1920-х гг. В 1922 г. на братской могиле был возведен памятник (художник В.Н. Сибиряков, инженер А.И. Кудрявцев) в виде мускулистой рабочей руки с факелом, волевым движением пробивающей «скалу капитала». В духе времени этот памятник выражал абстрактные, универсальные революционные идеи и не имел символической связи с конкретным местом и конкретными событиями. Памятник не выражал скорби и изначально не сообщал имен погибших [22. С. 227–229].

Однако местные коммемораторы все-таки немало потрудились над конструированием революционной истории Новониколаевска, которая не должна была остаться полностью лишенной имен. Уже в начале 1920-х гг. Сибистпарт (Сибирская комиссия по истории революции и РКП(б)), который возглавил известный в Сибири революционер В.Д. Вегман, собрал воспоминания выживших деятелей подполья периода «колчаковщины» и использовал их для формирования в городе нового мемориального пространства, отражавшего особую, новониколаевскую память о военно-революционных событиях и полностью отрицавшего систему памятных мест имперского периода. Из экскурсионного маршрута, подготовленного Сибистпартом к 10-летию революции, видно, что новая система памятных мест включала в себя полтора десятка объектов, разбросанных по городу: здания, где провозглашалась и низвергалась советская власть, арестный дом, где содержались политические заключенные во время Гражданской войны, конспиративные квартиры наиболее известных в городе подпольщиков – семьи Шамшиных и Е.Б. (Дуси) Ковальчук, издательство первой городской советской газеты «Дело революции», места расправы колчаковцев над политическими заключенными и их братская могила, а также и новое памятное место – могила партизанского командира П.Е. Щетинкина, погибшего в 1927 г. в Монголии и похороненного рядом с братской могилей 104 жертв «колчаковщины». [28. Л. 1–6]. На 1924 г. пришлась новая волна переименований улиц в честь признанных героев большевистского подполья Новониколаевска. Улицу Гуляевскую переименовали в честь первого председателя Новониколаевского городского совета, В.Р. Романова, погибшего в ходе колчаковской расправы, а улицу Покровскую – в честь революционерки Дуси Ковальчук [29]. Советская власть, очевидно, не покушалась лишь на

переименование улиц, названных в честь областников Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, официально признавая их заслуги перед Сибирью.

В 1921 г. Новониколаевск стал административным центром Сибирского края, что дало ему основание открыто заговорить от лица всей Сибири языком политизированных коммемораций. Так, празднование освобождения Сибири от «колчаковщины» почти сразу стали устраивать по всему региону 14 декабря – в день «освобождения сибирской столицы». В 1926 г. название города, ассоциировавшееся с памятью о свергнутом царе Николае II, было заменено на идеологическое «Новосибирск», которое несло смыслы новой благополучной жизни в социалистической Сибири. По мысли центральных властей, Новосибирск должен был стать не столицей Сибири как отдельного региона со своей уникальной историей и спецификой, но столицей *советской* Сибири. Поэтому еще в 1920 г. преобразилась городская топонимика. В городе исчезли улицы, названные в честь томских губернаторов и инженеров-путейцев. Так, Будаговская стала Большевицской, Гондатти – улицей Урицкого, Гудимовская – Коммунистической, Тобизе-новская – улицей Горького и т.д. [29].

«Столицу Сибири» не могла обойти мемориализация В.И. Ленина, умершего в 1924 г. Главную городскую площадь переименовали в площадь Ленина. А к формировавшейся системе мест, связанных с памятью о революции и Гражданской войне в Новониколаевске, добавилось первое памятное место общесоветского значения – дом Ленина – новое общественное здание-памятник. Оно закрыло собой братскую могилу «жертв колчаковщины», которая оказалась во дворе здания. Так переключилось внимание с памяти о Гражданской войне в Новониколаевске на важнейшую для страны фигуру памяти о революции, на основе которой формировалась советская идентичность. В это время в стране получил развитие политический, квазирелигиозный культ Ленина. Мемориальный комплекс, состоявший из дома Ленина и братской могилы, явно ассоциировался с традиционным сакральным местом: храм – дом Бога и погост. Строительство дома-памятника преподносилось пропагандой как всенародное дело. Каждый мог пожертвовать деньги на кирпич для этой стройки. Эта практика заимствовалась у православных верующих, аналогично подходивших к сбору средств на строительство церквей.

В середине 1920-х гг. мемориальное пространство Новосибирска осмыслялось местными музейщиками, продолжавшими дореволюционные сибирские традиции краеведения, и вне революционного контекста. Они разработали программу изучения и популяризации истории Новосибирска и его памятных мест, связанных с историей местной торговли, застройки и городской повседневности. На призыв собрать материал о «старом городе» отозвался один из первых жителей Новониколаевска М.В. Можаров, который принес в музей свои воспоминания, отразившие свободный от совет-

ской идеологии взгляд на историю Новосибирска. По его мнению, Новониколаевск был рожден, прежде всего, коммерцией, поэтому первым памятным местом стоило признать Старобазарную площадь, а не железнодорожный мост через Обь. Так актуализировалась память о том, что еще до основания поселка строителей железнодорожного моста на месте будущего города возник торговый населенный пункт Гусевка, в дальнейшем слившийся с поселком мостостроителей. Можаров помнил и первый в городе дом, не имевший отношения к революционным событиям. Но автор воспоминаний предлагал отметить этот мемориальной табличкой как значимый в контексте локальной истории [30. Л. 10–12]. Эти инициативы музейщиков были генетически связаны с локальным (сибирским) компонентом коллективной памяти жителей города, который формировался в сознании новониколаевцев еще до революции под воздействием общественно-политической деятельности областников и других антиправительственно настроенных политических сил. Но тема локальной истории, не связанной с революцией, не получила развития в музейном деле последующих десятилетий по идеологическим причинам [22. С. 450–451]. Места, связанные с реальной памятью новосибирцев, не имевшей отношения к революции, как, к примеру, исторический некрополь, предавались в это время забвению и приходили в упадок.

Следующий этап истории развития мемориального пространства Новосибирска приблизительно укладывается в период, когда получил развитие политический культ И.В. Сталина, который поддерживался целым рядом менее значительных по отдельности, но важных в своей сумме культов вождей и героев всесоюзного масштаба: С.М. Кирова, В.В. Куйбышева, С.Г. Орджоникидзе, А.М. Горького, В.П. Чкалова и др. Считалось, что их героические жизни, посвященные борьбе за власть советов и социалистическому строительству должны служить примером массам советских граждан. Поэтому память о них увековечивалась повсеместно. Распространение квазирелигиозного культа Кирова после его убийства в 1934 г. незамедлительно сказало-сь на мемориальном пространстве города Новосибирска, где в честь «лучшего друга Сталина» назвали район, улицу, ряд предприятий, учреждений и установили по меньшей мере четыре памятника Кирову. Он воспринимался как герой первых сталинских пятилеток, как организатор производства, именно поэтому память о нем сохраняла актуальность в военный и восстановительный периоды в тыловом Новосибирске. В 1947 г. был даже открыт мемориальный музей в маленьком деревянном доме на ул. Ленина. Сообщалось, что именно в нем в 1908 г. временно жил молодой Киров – начинающий революционер [16. С. 37]. Однако стоит учитывать, что эти сведения не совсем точны, а роль Кирова в развитии революционного движения в Сибири до революции советская пропаганда сильно преувеличивала. Так проявлялась типичная для этого

времени тенденция поиска в провинциях таких мест, которые могли бы быть связаны с памятью о ком-то или о чем-то значимом в общесоветском масштабе. На этом фоне снижалось внимание к памятным местам, связанным с городской и региональной историей, даже революционной. Это отражалось на состоянии памятников. В частности, ветшал монумент на могиле жертв «колчаковщины». Под воздействием этих тенденций менялась и городская топонимика. В конце 1930-х был репрессирован революционер, создатель Сибистпарта В.Д. Вегман. Следовательно, улицу прижизненно названную в его честь, переименовали.

Вообще же, коммеморации, нацеленные на увековечивание памяти о «великих делах» еще живых вождей и героев, были яркой чертой сталинского времени. В этой связи улица Кузнецкая стала называться проспектом Сталина, а Вокзальный район переименовали в честь народного комиссара СССР путей сообщения Л.М. Кагановича. Разумеется, в наиболее людных местах города появилось несколько памятников Сталину, который снесли уже в начале 1960-х гг. на волне хрущевской десталинизации. В 1949 г. на площади Сталина торжественно открыли памятник еще живому трижды Герою СССР, летчику из Новосибирска А.И. Покрышкину – бюст по проекту скульптора М. Манизера [14. С. 237]. Покрышкин воспринимался в те годы, как и Киров, в качестве не местного, а общесоветского героя, которым могут, в частности, гордиться и новосибирцы, поскольку его судьба оказалась связанной с их городом.

Одновременно дореволюционное прошлое Новосибирска считалось в сталинский период незначительным и даже мрачным и особенно, как никогда до и после, очернялось на уровне общедоступных коммемораций. Его «убогие», «мелкие» (по словам ведущего новосибирского архитектора тех лет А.Д. Крячкова) следы [31. С. 3–4], сохранившиеся в городском пространстве, не ценились и зачастую без колебаний уничтожались. С лица земли исчезали деревянные дома первых жителей Новониколаевска, старые кладбища, церкви, вошедших в 1929–1930 гг. в городскую черту Новосибирска сел и деревень.

Великая Отечественная война, во время которой развивались общие мемориальные тенденции сталинского времени, все-таки повлияла на отношение новосибирских коммемораторов к истории Новосибирска. Во-первых, газеты освежили память о героях подполья периода «колчаковщины», которые были нужны в качестве примеров самоотверженности в борьбе с врагом. Во-вторых, впервые за все советское время в памяти новосибирцев был актуализирован образ инженера-путейца Н.Г. Гарина-Михайловского [23. С. 182]. Политика памяти военных лет репрезентировала Гарина-Михайловского как одного из основателей Новосибирска, поскольку он принял решение о месте строительства железнодорожного моста. Выходило, что Новосибирск, по версии пропаганды, ставший в годы войны

главной за Уралом «кузницей Победы» за счет своего транспортного значения, изначально был заложен как особый город, «вольный», «самочинный», к созданию которого приложил руку великий инженер, он же и выдающийся революционный писатель. При этом из истории строительства моста, давшего жизнь городу, совершенно исчезли цари Романовы, без инициативы которых все-таки не было бы ни моста, ни самой железной дороги.

В 1930–1950-х гг. уделялось мало внимания памятникам местной истории, даже революционной. Популярными в 1920-х гг. герои революции и Гражданской войны все реже упоминались в газетах и в ходе массовых празднований. О них стали вспоминать лишь в связи с «круглыми датами» освобождения Сибири от «колчаковщины». Памятник на братской могиле 104 жертв Гражданской войны, как мы уже упоминали, постепенно ветшал. Лишь в 1939 г., к 20-летию освобождения от «колчаковщины», его отреставрировали [32. Л. 1–2]. Однако годы Великой Отечественной войны, когда потребность государства в мобилизации населения на боевые подвиги резко обострилась, память о местных героях революционной борьбы и большевистского подполья была актуализована, прежде всего, на уровне печатной и устной пропаганды. Что же касается мемориального пространства, то стоит отметить инициативу, связанную с предложением установить памятник В.Р. Романову – председателю Новониколаевского совета рабочих и солдатских депутатов, расстрелянному колчаковцами при отступлении в конце 1919 г. [33. Л. 35].

В послевоенном Новосибирске массовым коммеморациям уделялось мало внимания. Город рос, в основном отрицая свое прошлое. Лишь к 40-летию Октября в сквер Героев революции с Нового кладбища, готовившегося к закрытию, перенесли останки членов городского исполкома, расстрелянных в 1918 г. в результате контрреволюционного переворота в городе [17. С. 101]. Память о Победе в Великой Отечественной войне увековечивалась на уровне мало заметных инициатив, как первый обелиск Победы, установленный в 1947 г. и снесенный уже в 1952 г. [21. С. 222]. Более характерной для этого времени стала практика использовать в декоре новых общественных зданий («сталинок») мемориальные элементы. В поисках свежих декоративных форм архитекторы обращались к традициям барокко и классицизма. В результате переосмысления этого культурного наследия появлялись примеры эклектичного сочетания советской государственной и военной символики с элементами барочных орнаментов, к примеру, с вазонами, наполненными фруктами, рогами изобилия, букетами цветов. Классический акканат мог заменяться колосьями и дубовыми листьями. Широко использовались изображения знамен, флагов и советских гербов [34. С. 199–202]. Многочисленные вкрапления этих символических знаков в обновляющуюся после войны городскую среду, служившую ново-

сибирцам пространством повседневной жизни, постоянно напоминали о глобальном советском триумфе, обеспечившем народу благополучную, мирную жизнь.

Со второй половины 1960-х гг., на фоне частичной десталинизации и ослабления идеологических опор советского государства, доминирующим концептом государственной политики памяти стала героизация целых поколений – революционного и военного, которые якобы заложили боевые и трудовые традиции, лежащие в основе процветания советского государства и благополучия советского народа на современном этапе. В обеспечении преемственности этих традиций применительно к настоящему и будущему выдвинулась суть патриотического воспитания населения, которое должно было гордиться своим славным прошлым и ориентироваться на него как на образец для подражания. Поэтому со второй половины 1960-х гг. для Новосибирска было характерно обилие мемориальных инициатив, предпринимавшихся, преимущественно, местным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), для увековечивания памяти о героях военно-революционной истории «из нашего города». Первым делом ВООПИК инициировало выявление и постановку под охрану революционных памятников, в числе которых отметили дом Ленина, дом-музей С.М. Кирова, бывший городской торговый корпус – место провозглашения советской власти в 1917 г., дом, где некогда жила революционерка Е.Б. Ковальчук. Состояние всех памятников признали неудовлетворительным, требующим ремонта и реставрации [35. Л. 2–3]. Десталинизация привела к усилению культа В.И. Ленина, из-за чего в обновленной системе городских памятных мест первостепенное значение отводилось тем, которые, пускай и с натяжкой, но признавались связанными с жизнью вождя, как, к примеру, вокзал, стоявший на пути, которым Ленин некогда следовал в сибирскую ссылку, где установили соответствующую мемориальную табличку и создали «ленинский уголок».

Еще в 1966 г. новосибирское отделение ВООПИИК выступило с инициативой установить в центре Новосибирска памятник В.И. Ленину, который был призван стать главным элементом всего мемориального пространства города [Там же. Л. 2]. В 1970 г. шестиметровый памятник Ленину (скульптор И.Ф. Бродский, архитекторы И.Г. Покровский, С.П. Скобликов и Г.Н. Бурханов) был открыт в самом центре города на площади Ленина. Установленные справа от Ленина фигуры красноармейца, матроса и партизана олицетворяли движущие силы революции, а фигуры слева (юноши и девушки) символизировали мирное, благополучное настоящее и будущее. От главного памятника Ленину, по всей правобережной части города условно «расходился» круг памятных мест, связанных с революцией и Гражданской войной, включавший уже знакомые новосибирцам памятники и многочисленные «вновь выявленные» памятные места.

На правобережных окраинах города и в его левобережной части историко-революционных мест было отмечено мало, вследствие чего на этих территориях формировался пояс памятных мест, связанных со вкладом новосибирцев в Победу, следы которого было трудно отыскать и обозначить. Символическим центром новосибирского левобережья и местом основных идеологизированных коммеморативных практик, устраивавшихся в этой части города, стал созданный в 1967 г. мемориальный ансамбль «Подвигу сибиряков в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.», более известный как монумент Славы (художник – А.С. Чернобровцев, скульпторы Б.Л. Ермишин, М.М. Пирогов и Б.А. Захаров). Этот мемориальный ансамбль разместился на двух площадях. По замыслу автора, оформление первой из них символически утверждало торжество победы, мира и новой жизни. Но символическое решение второй площади было сугубо скорбным и печальным. Несколько огромных пилонов было испещрено именами погибших, а в центре композиции художник поместил крупную фигуру матери, убитой горем [36. Л. 1–3].

Расположение основных памятных мест (революционных и военных) нечеткими концентрическими кругами выражало хронологическую логику и иерархию значимости смысловых акцентов историко-революционного нарратива этих лет: от фигуры Ленина – «творца революции», к местам местной героической истории Октября и Гражданской войны, а от них – к местам, увековечивавшим память о боевых и трудовых подвигах новосибирцев в годы Великой Отечественной войны, которые включались в пространство обновляющегося города мирного времени.

В 1977 г. А.С. Чернобровцев закончил оформление мемориала Сквера героев Революции, окружавшего первый городской революционный монумент, созданием эпического панно на стене дома Ленина. Работы Чернобровцева отвечали новым тенденциям «оживления» и персонализации героического военно-революционного прошлого, не свойственным мемориальной культуре 1920-х гг., когда художники искали обобщенных символических решений в оформлении памятников, абстрагируясь от отдельных имен, человеческого переживания горя и сознательно избегая использования традиционных символов некрополя. Со второй же половины 1960-х изменилось отношение к кладбищам героев. В период с 1967 по 1977 г. в сквере Героев революции были установлены скульптурные памятниками (бюсты) наиболее известным жертвам контрреволюции и «колчаковщины» из Новониколаевка [16. С. 53], что сделало сквер более похожим на традиционный некрополь. Одновременно участок Заельцовского кладбища, где покоились воины, умершие в новосибирских госпиталях периода Великой Отечественной войны, был признан мемориальным, соответствующем образом облагоустроен и оформлен единообразными надгробиями по проекту Е.Н. Гаврилова [37. Л. 21].

В «застойные» годы брежневского правления в городе было открыто несколько десятков памятников, мемориальных досок, а также множество народных музеев в учебных заведениях и на предприятиях, которые использовались в ходе бесчисленных празднований юбилеев и экскурсии по военно-революционным местам, число которых неуклонно росло. Только за период с 1965 по 1975 г. в городе и области было установлено 67 памятников и 50 мемориальных досок [38. Л. 16]. В это время существенно разрослась система памятных мест, связанных с революционным движением в Новониколаевске. Найти такие места в своем районе должны были жители не только исторического центра города, но и его окраин. В итоге революционным местом стал считаться даже необитаемый остров Коровий на Оби, где, по воспоминаниям выживших революционеров, устраивал нелегальные сходки С.М. Киров в 1908 г. [39. Л. 243].

Наиболее значительным было увековечивание в начале 1970-х гг. памяти о героизме 22-й Сибирской добровольческой дивизии, в честь которой в Кировском районе назвали площадь, улицу, а также установили стелу, у которой проводились эмоциональные памятные мероприятия с участием сотен ветеранов. В середине 1970-х гг. торжества сопровождалась «священнодействием»: урна с землей, «омытой кровью сибиряков, которую привезли участники похода», была заложена в клумбу [40. Л. 105]. Этот ритуал, несомненно, свидетельствует о сакрализации в сознании жителей города тех лет памятных мест, связанных с войной. Аналогичные урны закладывались в землю и на монументе Славы [36. Л. 1].

Во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. отношение местной партийной элиты и советской администрацией к мемориальным процессам в городе не противоречило явно общим контекстам государственной политики памяти. А местные коммемораторы с виду успешно справлялись с теми мемориальными задачами, которые перед ними ставило государство и местные властные структуры. Однако у бурной коммеморативной деятельности, к которой привлекалась широкая общественность, были несомненные изъяны. Омассовление работы по сохранению исторического наследия нередко вело к ее профанации. Краеведы тех лет пересказывали из раза в раз одни и те же исторические сведения, часто недостоверные, поверхностно понятые и запутанные, добавляя к уже изученному до них мало новых фактов и свободно их коверкая. Это, в частности, отразилось в попытке новосибирского отделения ВООПИиК издать усилиями его активистов к 60-летию Октября сборник очерков по революционной истории города. Задуманное не удалось реализовать из-за низкого качества подготовленных материалов, в которых содержалось много повторов и фактических ошибок [41. Л. 1]. Стандартизация коммемораций вызвала у населения ощущение пресыщения официозом. Показательно, к примеру, что в 1976 г., в год празднования

90-летия Новосибирска, головное предприятие кожевенно-обувного объединения отказалось носить имя С.М. Кирова, заменив его названием «Обь» [42. Л. 3]. Кроме того, ВООПИиК с большим трудом удавалось защищать сохранность памятников, даже поставленных под охрану государства. Градостроители, производственники, метростроевцы и коммунальщики города практически не осознавали ценности историко-культурного наследия Новосибирска, безжалостно уничтожая старые здания, в числе которых оказался и дом революционеров Шамшиных, и целые «исторические» кварталы. Только за период с 1972 по 1976 г. в городе было уничтожено 11 историко-революционных памятников, стоявших на государственной охране [Там же. Л. 1].

К 1980 г. ВООПИиК наконец активно заговорило о необходимости защищать дореволюционное архитектурное наследие. Так, с общественно значимых инициатив архитекторов В.М. Пивкина, М.И. Болотина, О.П. Ваганова, И.П. Журина и С.Н. Баландина началась переоценка тех мест в Новосибирске, которые мыслились связанным не с военно-революционным, а с имперским прошлым города и его прошлым как части досоветской Сибири. Защитникам памятников стоило больших усилий доказывать само существование в Новосибирске архитектурного наследия, а также добиваться его постановления под охрану. Фактически они изучали дореволюционное зодчество Новосибирска еще с 1960-х гг. Еще в 1969 г. архитекторы предложили список выявленных архитектурных памятников, рекомендованных к постановке под охрану государства, куда вошли деревянные дома, дореволюционные купеческие особняки и здания, построенные в конструктивистском стиле [43. Л. 4–10]. Постановлением облисполкома № 419 от 25 июня 1971 г. эти городские памятники деревянного зодчества были поставлены под охрану. То же постановление содержало пункт о создании в исторической части города градостроительного заповедника – уголка дореволюционного Новониколаевска – улицы, мощенной булыжником, с деревянными тротуарами и палисадниками, на которой будут стоять старые дома-памятники, перенесенные из разных частей города [44]. Но эта инициатива так и осталась нереализованной до сих пор. Да и деревянные «домики-сказки», «домики-теремки», находившиеся под охраной государства, все равно сносились [45]. Затягивалось также и создание историко-архитектурного музея под открытым небом, заложенного в 1971 г. в Академгородке с целью собрать в одном месте наиболее ценные памятники старинного деревянного зодчества по всей Сибири [46. Л. 12]. Именно поэтому в 1980 г. архитектор С.Н. Баландин составил комплексный план по охране городских памятников архитектуры и истории [39. Л. 3].

На этапе Горбачевской перестройки была все-таки официально признана историческая ценность ряда памятников деревянного зодчества, дореволюционных каменных зданий, в том числе собора Александра

Невского, построек архитектора А.Д. Крячкова, а также железнодорожного моста через Обь. В 1983 г. В.М. Пивкин предложил создать музей Новосибирска, в структуру которого включить архитектурный заповедник, установить на набережной Оби монумент первопроходцам Сибири, памятники «основателю» Новосибирска – Н.Г. Гарину-Михайловскому и выдающемуся архитектору А.Д. Крячкову [47. С. 142]. На основе этих идей начала интенсивно формироваться система памятных мест Новосибирска, альтернативная военно-революционному прочтению местной истории.

Следующий этап развития мемориального пространства Новосибирска был связан с его концептуальным переосмыслением на фоне распада СССР, процесса федерализации и отказа от советской идеологии. К началу 1990-х гг. были актуализированы исторические образы «лиц, имевших прямое отношение к основанию города, к изысканию, проектированию и строительству в конце XIX в. в районе будущего Новосибирска Транссибирской железнодорожной магистрали и первого моста через Обь, к строительству и развитию поселка транспортных строителей, от которого пошло развитие Новониколаевска – Новосибирска». В 1990 г., в связи с приближавшимся столетием города, новосибирский горсовет даже запланировал переименовать ряд городских улиц в честь совершенно забытых ранее «отцов города»: К.Н. Михайловского, В.И. Роецкого, Н.А. Белелюбского, Г.М. Будагова, Г.М. Тихомирова и Н.П. Меженинова [48. Л. 8]. Стоит подчеркнуть то, что при этом официально еще не вспоминали о роли царя Александра III в строительстве Транссиба и в основании Новосибирска.

Хотя улицы города в 1990-х гг. так и не сменили своих названий, вместе с распадом СССР в 1991 г. очевидно заострилось общественное внимание к версиям местной истории, альтернативным революционной. На этом фоне из общественных мест исчезло несколько памятников Ленину, появились памятники жертвам политических репрессий и радиационных катастроф. Государственная политика памяти этих лет была непоследовательной и даже невнятной. На этом фоне повысилась значимость мемориальных инициатив, исходивших от местной администрации и от общественности. Местные власти не опровергали советских достижений в развитии города, начиная с периода Великой Отечественной войны, однако игнорировали и даже криминализировали революционную историю и историю Гражданской войны, официально репрезентируя ее как самое страшное время для города. Революционные памятные места оказались совершенно вне коммеморативной активности населения и стали забываться.

Уже к началу 1990-х гг. на уровне коммеморативных инициатив местной администрации, готовившейся к торжествам в честь 100-летия Новосибирска, были актуализированы образы инженеров-путейцев, которые рассматривались теперь в качестве героев собственно новосибирской истории. На волне политических про-

цессов, связанных с федерализацией и в контексте конструирования памяти о собственном прошлом, не связанном с революционными аспектами, в мемориальное пространство Новосибирска вернулась Николаевская часовня (архитектор П.А. Чернобровцева). История ее возведения в честь 300-летия Дома Романовых не получила широкого тиражирования. За то эта реконструкция стимулировала распространение историко-топографического мифа о Новониколаевске–Новосибирске как о центре России, символом которого часовня и считалась. Этот миф символически повышал статус города в условиях экономической и социально-политической дестабилизации начала 1990-х гг.

На протяжении всего последнего десятилетия XX в. в коллективной памяти жителей города укреплялся еще один исторический миф о Новосибирске военных лет как о городе трудовой славы. Оборонная промышленность города пребывала в кризисном состоянии. На этом фоне позитивный образ былой трудовой славы оказался востребован как населением, уже привыкшем к регулярным чествованиям ветеранов, так и местными коммунистами, и демократическими силами, обещавшими позитивные экономические перемены в скором будущем. Соответственно, в 1999 г. был открыт и одобрительно воспринят населением еще один памятник А.С. Чернобровцева «Единству Фронта и тыла», дополнивший «монумент Славы». По замыслу автора, он увековечивал подвиг тружеников тыла, работавших на предприятиях оборонного комплекса Новосибирска.

Итак, до революции в Новониколаевске не было памятников, связанных именно с историей самого города. Зато сложилась система памятных мест, прославлявших имперскую власть, благодаря которой, как считалось, появился Новониколаевск. Параллельно в нарождавшемся мемориальном пространстве города первые коммемораторы оставили следы, отражавшие память Сибири, как колонии, борющейся с метрополией за расширение прав населения региона. Собственное историческое «я» появилось у города только после Гражданской войны, когда в памяти населения были сформированы культы местных героев революционной и подпольной борьбы, сведения о деятельности которых легли в основу новой системы памятных мест. Параллельно с ней в городском мемориальном пространстве складывалась система памятников, значимых в общесоветском масштабе. В сталинский период последняя однозначно доминировала, агрессивно вытесняя из мемориального пространства города остатки дореволюционных мемориальных систем и затеняя памятные места, связанные с местным военно-революционным прошлым. На этапе Великой Отечественной войны в историческую память новосибирцев в новом, «проработанном» виде вернулись местные герои революции и Гражданской войны, а также «основатель города» инженер-путеец Н.Г. Гарин-Михайловский, репрезентировавшийся в контексте индустриальных и транспортных мотивов. Этап с 1945 по 1965 г. стал для Новосибирска определенным

мемориальным «провалом», после чего началось переосмысление исторического наследия города в контексте концепта памяти о боевой и трудовой славе советского народа. В эти годы в мемориальном пространстве города была выстроена символическая связь между актуализированной и значительно расширенной системой новосибирских памятных мест, которые были связаны с историей революции и Гражданской войны, и вновь созданной системой памятников, связанных с увековечиванием боевых и трудовых подвигов новосибирцев, участвовавших в Великой Отечественной войне. Городское мемориальное пространство становилось все более плотным, но при этом относительно гомогенным. В его отрицание в канун горбачевской перестройки гуманитарная и творческая интеллигенция стала активно формировать альтернативную систему памятных мест, порой искусственно привязывая ее к дореволюционному архитектурному наследию города, которое, как и в начале XX в., ассоциировалось не

только с памятью Новониколаевска–Новосибирска, но и всей Сибири. Именно на этой основе стало развиваться мемориальное пространство города в конце 1980–1990-х гг., когда революционные места подверглись забвению, стали появляться явно антисоветские памятники, а в опоре на переосмысленный и фактический присвоенный городом дореволюционный исторический нарратив начала складываться система памятных мест, интерпретируемая, прежде всего, во взаимосвязи лишь с собственным уникальным новониколаевским прошлым. Сегодня мемориальное пространство Новосибирска, живущего в контексте «мемориальной эпохи», формируется самыми разными коммемораторами. Оно гетерогенно и все более насыщено. Современное мемориальное пространство города питается старыми историческим нарративами и мифами, которые по-разному переосмысливаются и репрезентируются, что, несомненно, заслуживает отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томас М.А. Особенности мемориального ансамбля в контексте современной городской среды Барнаула // Национальное наследие и диалог культур как исток духовности современного общества. URL: <http://econf.rae.ru/article/7398> (дата обращения: 10.12.2018).
2. Линч К. Образ города. М. : Стройиздат, 1982. 328 с.
3. Стрельникова А.В. «Места памяти» в городском пространстве // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 2. С. 231–239.
4. Рыженко В.Г. Фигуры и символы памяти о прошлом в локальном культурном пространстве Западной Сибири (конец XIX – нач. XXI в.): ишимская версия // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2019. № 1. С. 134–141.
5. Рыженко В.Г., Демьянов К.В., Наумов С.С. Специфика «железнодорожных» сегментов культурного пространства крупного сибирского города (конец XX – начало XXI в.): топонимические признаки и памятная символика // Преподаватель XXI век. 2019. № 1–2. С. 243–259.
6. Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М. : Древлехранилище, 2013. 592 с.
7. Рожанский М.Я. Сибирь как пространство памяти. Иркутск : Оттиск, 2014. 180 с.
8. Кошман Л.В. Культурное пространство русского города XIX – начала XX в. К вопросу о креативности исторической памяти // Человек и культура. 2013. № 2. С. 42–115.
9. Перетягина Е.В. История выявления, изучения и сохранения историко-культурного наследия Томской области // Вестник ТГАСУ. 2008. № 2. С. 38–44.
10. Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М. Из истории сохранения памятников культурного наследия в Томске (1917–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 181–190.
11. Kelly С. The shock of the old: architectural preservation in Soviet Russia // Nations and Nationalism. 2018. № 1. P. 88–109.
12. Баландин С.Н. Новосибирск: история градостроительства (1893–1945 гг.). Новосибирск : Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1978. 136 с.
13. Баландин С.Н. Новосибирск: история градостроительства (1945–1985 гг.). Новосибирск : Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1986. 160 с.
14. Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск : Наука, 1993. 472 с.
15. Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А. Так начинался Новосибирск. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд., 1983. 176 с.
16. Памятники Новосибирска. Новосибирск : Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1980. 112 с.
17. Памятники Новосибирской области. Новосибирск : Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1989. 200 с.
18. Новосибирский некрополь. Новосибирск : Сибирская горница, 2009. 224 с.
19. Голодяев К.А. Старый Новосибирск. Исторические заметки о том, откуда и когда вырос самый крупный город Сибири. Новосибирск : Изд-во музея г. Новосибирска, 2016. 321 с.
20. Военный городок в Ново-Николаевске. Первые годы истории. Новосибирск : Изд-во ГАУ НСО НПЦ, 2013. 88 с.
21. Рыженко В.Г., Алисов Д.А., Назимова В.Ш. Пространство советского города (20-е – 50-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск : Наука, 2004. 292 с.
22. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2015. 572 с.
23. Красильникова Е.И. «Мы помним день 7 ноября!» Октябрьские торжества в Сибири: коммеморативный аспект (1920–1945). Новосибирск : Золотой колос, 2018. 226 с.
24. Ригль А. Современный культ памятников. Его сущность и возникновение / пер. с нем. Г. Гимельштейна, под ред. Н. Лопатиной. М. : ЦЭМ, V-A-C press, 2018. 96 с.
25. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. М. ; СПб. : Нестор, 2018. С. 27–53.
26. Ремнев А.В. 300-летие «присоединения Сибири к России»: в ожидании нового исторического периода // Культурное наследие Сибири. URL: <http://sibnasledie.omsu.ru/page.php?id=16> (дата обращения: 06.06.2019).
27. 15-летие освобождения Сибири от колчаковщины // Советская Сибирь. 1934. 23 дек.
28. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 737.
29. Переименование улиц Новосибирска – история Новосибирска и Новосибирской области // Библиотека сибирского краеведения. URL: <http://bsk.nios.ru/content/peireimеноvaniya-ulic-novosibirska-istoriya-novosibirska-i-novosibirskoy-oblasti> (дата обращения: 06.06.2019).
30. ГАО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 16.
31. Крячков А.Д. Архитектура Новосибирска за 50 лет // Архитектура Сибири: Ежегодник. 1951. С. 7–28.
32. ГАО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 4.
33. ГАО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1388.
34. Марьясова М.К. Советское барокко в архитектурном убранстве общественных зданий послевоенного Новосибирска // Баландинские чтения. Новосибирск : Изд-во НГУАДИ, 2015. С. 197–205.

35. ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 1.
36. ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 275.
37. ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 159.
38. ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 146.
39. ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 243.
40. ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 18.
41. ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 187.
42. ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 250.
43. ГАНО. Ф. Р-2954. Оп. 1. Д. 25.
44. Пивкин В.М. Сохраним памятники народного зодчества! // Вечерний Новосибирск. 1989. 29 окт.
45. Пивкин В.М. Передать потомкам. Еще раз о памятниках деревянного зодчества // Вечерний Новосибирск. 1973. 22 окт.
46. ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 226.
47. Пивкин В.М. За десять лет до века // Сибирские огни. 1983. С. 135–142.
48. ГАНО. Ф. Р-745. Оп. 1. Д. 29.

Yekaterina I. Krasilnikova. Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia). E-mail: katrina97@yandex.ru

THE MEMORIAL SPACE OF NOVOSIBIRSK IN THE HISTORICAL DYNAMICS (1893-2000)

Keywords: memorial space; memorial place; monument; commemoration; politics of memory; memorial symbol; Novosibirsk.

The article is aimed to characterize the changes in the memorial space of Novosibirsk city from its foundation in 1893 to 2000 in the context of the complementarity and confrontation of the development trends of the politics of memory, emanating from the subjects of state and local authorities, as well from initiatives of public organizations and some important commemorators. There is proposed the definition of urban memorial space. The stages of forming the memorial space of Novosibirsk were identified and consistently characterized by their inherent specificity of the social attitude to the local historical heritage and commemorative activity. It was revealed that before the revolution in Novonikolayevsk both systems of memorable places began to take their shape, one glorifying imperial power and, the alternative one, reflecting the memory of the anti-government forces of Siberia, which fought the metropolis for expanding the rights of the population of the region. It was only after the Civil War that the city obtained the system of memorial places, associated with its own recent history of the revolutionary struggle, supplanting the old memorial systems. However, during the rule of I.V. Stalin this old system was obscured by a new system of monuments and memorable places, glorifying Soviet leaders and all-Union heroes. Many pre-revolutionary memorable places were destroyed at that period. Since the second half of the 1960s, the cult of Lenin had a particularly strong influence on the memorial space. Also, starting from this period and up to the collapse of the USSR, the memorial space of the city developed in connection with the concept of glorifying the military and labor feats of Novosibirsk people as Soviet citizens. Before the collapse of the USSR, the humanitarian and creative intellectuals of the city began to actively form an alternative system of memorial sites based on the reevaluation of the city's pre-revolutionary architectural heritage. In the 1990s, this trend was developed on the background of a general decline in attention to the historical and revolutionary heritage. However, the memorable places associated with the Great Patriotic War remained their significance. The memorial space of modern Novosibirsk is more diverse, then in the past. However, in the process of its development, it "feeds" on old historical myths and symbols, which are reinterpreted by each generation, including the new one.

REFERENCES

1. Tomas, M.A. (n.d.) *Osobennosti memorial'nogo ansamblya v kontekste sovremennoy gorodskoy sredy Barnaula* [Features of the memorial ensemble in the context of the modern urban environment of Barnaul]. [Online] Available from: <http://econf.rae.ru/article/7398> (Accessed: 10.12.2018).
2. Lynch, K. (1982) *Obraz goroda* [The Image of the City]. Moscow: Stroyizdat, 1982. 328 s.
3. Strelnikova, A.V. (2012) "Sites of Memory" in urban space. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie – RSUH Bulletin*. 2. pp. 231–239. (In Russian).
4. Ryzhenko, V.G. (2019) The people and symbols as a memory of the past in the local cultural space of Western Siberia (the end of 20th – beginning of 21st century): Ishim study. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: istoricheskie nauki – Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 1. pp. 134–141. (In Russian). DOI 10.25513/2312-1300.2019.1.134-141
5. Ryzhenko, V.G., Demyanov, K.V. & Naumov, S.S. (2019) The specificity of the rail network segments of the cultural space of major Siberian town (the late 20th and early 21st century): toponymic indicators and commemorative symbolics. *Prepodavatel' XXI vek*. 1–2. pp. 243–259. (In Russian).
6. Svyatoslavsky, A.V. (2013) *Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov* [Russian History as Reflected in the Memory Mirror. Mechanisms of Historical Images Formation]. Moscow: Drevlekhranilishche.
7. Rozhansky, M.Ya. (2014) *Sibir' kak prostranstvo pamyati* [Siberia as a memory space]. Irkutsk: Ottisk.
8. Koshman, L.V. (2013) The Russian town cultural space of the XIX – beginning of the XX century. Concerning creativity of historical memory. *Che-lovek i kul'tura – Man and Culture*. 2. pp. 42–115. (In Russian). DOI: 10.7256/2306-1618.2013.2.639
9. Peretyagina, E.V. (2008) *Istoriya vyyavleniya, izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya Tomskoy oblasti* [History of research and preservation of historical and cultural heritage of Tomsk Region]. *Vestnik TGASU – Journal of Construction and Architecture*. 2. pp. 38–44
10. Chernyak, E.I. & Dmitrienko, N.M. (2017) From the history of the conservation of cultural heritage objects in Tomsk in 1917-1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 422. pp. 181–190. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/422/6
11. Kelly, C. (2018) The shock of the old: architectural preservation in Soviet Russia. *Nations and Nationalism*. 1. pp. 88–109. DOI: 10.1111/nana.12375
12. Balandin, S.N. (1978) *Novosibirsk: istoriya gradostroitel'stva (1893–1945 gg.)* [Novosibirsk: the history of urban planning (1893–1945)]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd.
13. Balandin, S.N. (1986) *Novosibirsk: istoriya gradostroitel'stva (1945–1985 gg.)* [Novosibirsk: the history of urban planning (1845–1985)]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd.
14. Goryushkin, L.M. (1993) *Novosibirsk. 100 let. Sobytiya. Lyudi* [Novosibirsk. 100 years. Events. People]. Novosibirsk: Nauka.
15. Goryushkin, L.M. & Bochanova, G.A. (1983) *Tak nachinal'sya Novosibirsk* [This is how Novosibirsk began]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd.
16. Goryushkin, L.M. (ed.) (1980) *Pamyatniki Novosibirsk* [The Monuments of Novosibirsk]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd.
17. Semko, B.I. & Goryushkin, L.M. (1989) *Pamyatniki Novosibirskoy oblasti* [The Monuments of Novosibirsk Region]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd.
18. Krasilnikova, E.I. (ed.) *Novosibirskiy nekropol'* [The Novosibirsk Necropolis]. Novosibirsk: Sibirskaya gornitsa.
19. Golodyaev, K.A. (2016) *Staryy Novosibirsk. Istoricheskie zametki o tom, otkuda i kogda vyros samyy krupnyy gorod Sibiri* [Old Novosibirsk. Historical notes on where and when the largest city in Siberia grew up]. Novosibirsk: The Novosibirsk Museum.
20. Kuznetsova, E.A. (2013) *Voennyy gorodok v Novo-Nikolaevske. Pervye gody istorii* [Military town of Novonikolayevsk in the first years of its history]. Novosibirsk: GAU NSO NPTs.

21. Ryzhenko, V.G., Alisov, D.A. & Nazimova, V.Sh. (2004) *Prostranstvo sovetskogo goroda (20-e– 50-e gg.): teoreticheskie predstavleniya, regional'nye sotsiokul'turnye i istoriko-kul'turologicheskie kharakteristiki (na materialakh Zapadnoy Sibiri)* [The space of the Soviet city (the 1920s–1950s.): theoretical, regional socio-cultural and historical-cultural characteristics (a case study of Western Siberia)]. Omsk: Nauka.
22. Krasilnikova, E.I. (2015) *Pomni' nel'zya zabyt'? Pamyatnye mesta i kommеморативnye praktiki v gorodakh Zapadnoy Sibiri (konets 1919 – seredina 1941 g.)* [Remember not to forget? Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (the late 1919 – mid 1941)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
23. Krasilnikova, E.I. (2018) *“My pomnim den' 7 noyabrya!” Oktyabr'skie torzhestva v Sibiri: kommеморативnyy aspekt (1920–1945)* [“We remember the day of November 7!” October celebrations in Siberia: commemorative aspect (1920–1945)]. Novosibirsk: Zolotoy kolos.
24. Riegl, A. (2018) *Sovremennyy kul't pamyatnikov. Ego sushchnost' i vozniknovenie* [The modern cult of monuments, its essence and origin]. Translated from German by G. Gimelstein. Moscow: TsEM, V-A-C press.
25. Malinova, O.Yu. (2018) *Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki* [Politics of memory as a field of symbolic politics]. In: Miller, A.I. & Efremenko, D.V. (eds) *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of memory politics study]. Moscow; St. Petersburg: Nestor. pp. 27–53.
26. Remnev, A.V. (n.d.) *300-letie “prisoedineniya Sibiri k Rossii”: v ozhidanii novogo istoricheskogo perioda* [300 hundred years of Siberia’s accession to Russia: in anticipation of a new historical period]. [Online] Available from: <http://sibnasledie.omsu.ru/page.php?id=16> (Accessed: 6th June 2019).
27. *Sovetskaya Sibir'*. (1934) 15-letie osvobozhdenie Sibiri ot kolchakovshchiny [The fifteenth anniversary of the liberation of Siberia from Kolchak]. 23rd December.
28. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-5. List 2. File 737.
29. BSK.nios.ru. (n.d.) *Pereimenovanie ulits Novosibirska – istoriya Novosibirska i Novosibirskoy oblasti* [Renaming the streets of Novosibirsk – the history of Novosibirsk and Novosibirsk region]. [Online] Available from: <http://bsk.nios.ru/content/pereimenovaniya-ulic-novosibirska-istoriya-novosibirska-i-novosibirskoy-oblasti> (Accessed: 6th June 2019).
30. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-217. List 1. File 16.
31. Kryachkov, A.D. (1951) *Arkhitektura Novosibirska za 50 let* [The Novosibirsk Architecture for 50 years]. In: Kryachkov, A.D. et al. *Arkhitektura Sibiri* [The Architecture of Siberia]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 7–28.
32. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-1813. List 1. File 4.
33. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-22. List 3. File 1388.
34. Maryasova, M.K. (2015) *Sovetskoe barokko v arkhitekturnom ubranstve obshchestvennykh zdaniy poslevoennogo Novosibirska* [The Soviet Baroque in architectural decoration of public buildings in Novosibirsk after the Second World War]. In: Garkusha, D.D. & Shemelina, D.S. (eds) *Balandinskije chteniya* [The Balandin Readings]. Novosibirsk: NGUADI. pp. 197–205.
35. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2054. List 1. File 1.
36. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2054. List 1. File 275.
37. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2054. List 1. File 159.
38. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2054. List 1. File 146.
39. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2054. List 1. File 243.
40. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2054. List 1. File 18.
41. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2054. List 1. File 187.
42. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2054. List 1. File 250.
43. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2954. List 1. File 25.
44. Pivkin, V.M. (1989) *Sokhranim pamyatniki narodnogo zodchestva!* [Let's save monuments of folk architecture]. *Vecherniy Novosibirsk*. 29th October.
45. Pivkin, V.M. (1973) *Peredat' potomkam. Eshche raz o pamyatnikakh derevyannogo zodchestva* [Pass it on. Once again about the monuments of wooden architecture]. *Vecherniy Novosibirsk*. 22nd October.
46. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2054. List 1. File 226.
47. Pivkin, V.M. (1983) *Za desyat' let do veka* [Ten years before the century]. *Sibirskie ogni*. 7. pp. 135–142.
48. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-745. List 1. File 29.